

К. М. СТАНИНОВИЧУ

**СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
МАЛЬЧИК**

Константин Станюкович
Севастопольский мальчик

«Public Domain»

1902

Станюкович К. М.

Севастопольский мальчик / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1902

В повести нашла отражение оборона Севастополя в период Крымской войны 1853-1856 гг. Мальчиком Станюковичу довелось быть не только свидетелем, но и посильным участником севастопольской обороны. Писатель-демократ рассказал о героизме русского солдата и в то же время вскрыл военную и экономическую отсталость крепостнической России, которая и привела к поражению в Крымской войне.

Содержание

ГЛАВА I	6
I	6
II	9
III	18
IV	23
ГЛАВА II	25
I	25
II	28
III	32
IV	36
ГЛАВА III	38
I	38
II	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Константин Михайлович Станюкович

Севастопольский мальчик

Повесть из времени Крымской войны

ГЛАВА I

I

На окраине красавца Севастополя, поднимающегося амфитеатром, на склоне горы, лепились белые домишки матросской слободки, в которой преимущественно жили жены и дети матросов и разный бедный люд.

Перед одной из хаток, в роскошное сентябрьское утро 1854 года, стоял черномазый пригожий мальчик, здоровый и крепкий, с всклокоченными кудрявыми волосами и с грязными босыми ногами, в не особенно опрятной старой «голландке» и в холщовых, когда-то белых штанах.

На вид мальчику можно было дать лет двенадцать-тринадцать. Его загорелое лицо, открытое и смелое, с бойкими глазами, дышавшими умом, было озабочено.

По-видимому, мальчик кого-то поджидал, не отводя глаз с переулка, спускавшегося в город. Только изредка не без зависти взглядывал на средину узкой улицы слободки, где неподалеку играла в бабки знакомая компания. В ней «черномазый» был признанным авторитетом и в бабках, и во всех проказах, и в разбирательствах драк и потасовок.

К нему уже прибегала депутация звать играть в бабки, но он категорически отказался.

– Маркушка! – вдруг долетел из открытого оконца слабый, глухой женский голос.

Черномазый мальчик вбежал в хату и подошел к кровати, стоявшей за раскрытым поломом, в небольшой комнате с низким потолком, душной и спертой.

Под ситцевым одеялом лежала мать Маркуши, матроска с исхудалым, бледным лицом, с красными пятнами на обтянутых щеках, с глубоко впавшими большими черными глазами, горевшими лихорадочным блеском.

Она прерывисто и тяжело дышала.

– Не идет? – нетерпеливо спросила матроска.

– Не видно, мамка! Верно, придет...

– Не зашел ли в питейный?

– Там нет... Бегал... Тебя знобит, мамка?

– То-то знобит. Прикрой, Маркушка!

Маркушка достал с табуретки старую шубейку, подбитую бараном, и накрыл ею больную. Затем он поднес ей чашку с водой и заботливо проговорил:

– Выпей, мамка. Полегчает.

И с уверенностью прибавил:

– Скоро поправишься... Вот те крест!

И Маркушка перекрестился.

Больная ласково повела красивыми глазами на сына и отпила несколько глотков.

– Разве что не спустили тятку с «Констенкина» по случаю француза... Видимо-невидимо пришло их на кораблях в Евпаторию с солдатами. Хотят шельмы на берег...

– Наши не допустят!... – возбужденно проговорила матроска, сама торговавшая до последних дней на рынке разной мелочью. Как почти все на рынке, она повторяла, что французы и англичане не осмелятся прийти к нам, а если и осмелятся, то их не пустят высадиться на берег, и союзники с позором вернутся.

Разумеется, эти толки на рынке были отголоском того общего мнения, которое высказывала большая часть севастопольского общества.

Хоть Маркушка, как и подобало шустрому и смышленому уличному мальчишке, и видал на своем коротком веку кое-какие виды и кое-что слышал на Графской пристани и на бульваре,

куда бегал слушать музыку по вечерам, – но еще не знал, что французы, англичане, турки и итальянцы уже беспрепятственно высадились первого сентября в Евпаторию ¹ и, направляясь в Севастополь, заняли позицию на реке Альме, ожидая русских.

И потому Маркушка не без хвастливого задора воскликнул:

– Сунься-ка! Их Нахимов ² шуганет, мамка!

– Дай только ему волю. Шуганул бы...

– А кто может не дать воли... Сам царь ему Георгия прислал...

– Князь Меншик ³ не пускает, Маркушка...

– Самый, значит, главный над всеми старик... Такой худой и хромлет... Видел его раз...

Ничего не стоит против Нахимова.

– Лукав старик... Все хочет по-своему... И горд очень...

Матроска, повторявшая мнение о главнокомандующем князе Меншикове со слов мужа, лихого марсового на корабле «Константин» и пьяницы, причинявшего немало неприятностей своей жене и единственному сыну Маркушке во время загула, закашлялась и не скоро отошла и могла говорить.

Испуганная приступом кашля, больная с еще большим нетерпением ждала мужа, и ей казалось, что он нехорошо поступает... Дал знать через матросика, что забежит сегодня утром, а уж одиннадцатый час, а его нет...

И она сказала:

– Ты, Маркуша, думаешь, что тятку не спустили на берег?

– Очень даже не спустили по случаю француза... Ни одного матроса нет в слободке...

А то тятка бы пришел!

– А ты сбегай, Маркушка, на Графскую пристань... Шлюпку с «Костенкина» увидишь и скажи, чтобы тятка отпросился... Мамке, мол, недужно...

– А как же ты одна?

– Позови Даниловну... Посидит. Верно, дома?

– Куда идти старой карге! – не особенно любезно называл Маркушка соседку, старую вдову боцмана.

И прибавил деловитым заботливым тоном:

– А без меня смотри потерпи, мамка! Ежели шлюпка с «Костентина» будет, духом обернись! Молоко около тебя поставлю и воду.

Маркушка поправил одеяло и шубейку на больной, поставил у кровати кружку с молоком и чашку с водой, с серьезным видом потрогал голову матери и исчез.

Через минуту он сказал Даниловне:

– Присмотрите за мамкой, бабушка... Бегу в город...

– Зачем, чертенок? – сердито воркнула боцманша.

¹ ...еще не знал, что французы, англичане, турки и итальянцы уже беспрепятственно высадились первого сентября в Евпаторию... – Взять Севастополь с моря оказалось очень трудно: с этой стороны он был хорошо укреплен. Поэтому союзники решили захватить город с суши, где он был весьма уязвим. С этой целью 2-5 сентября 1854 г., предварительно захватив небольшим отрядом 1 сентября Евпаторию, союзники высадили здесь свои войска, общей численностью около 70 тысяч человек, и от Евпатории двинулись по побережью на Севастополь.

² Нахимов Павел Степанович (1802-1855) – выдающийся русский флотоводец, адмирал, сторонник прогрессивного направления в русской военно-морской школе. Один из организаторов героической обороны Севастополя. После гибели В.А.Корнилова Нахимов встал во главе обороны. Погиб в Севастополе в конце июня 1855 г.

³ Князь Меншик – так в просторечии именовали князя Меншикова Александра Сергеевича (1787-1869). А.С.Меншиков – русский военный и дипломатический деятель, пользовался покровительством Николая I. Во время Крымской войны, будучи главнокомандующим русскими вооруженными силами в Крыму, показал себя бездарным полководцем: не принял никаких мер к укреплению Севастополя, не воспрепятствовал высадке союзников под Евпаторией, очень неудачно руководил войсками в сражениях на реке Альме, под Балаклавой, под Инкерманом и т.д. Отличаясь крайней пассивностью, Меншиков фактически устранился от дела обороны Севастополя. В начале 1855 г. Николай I вынужден был снять Меншикова с поста главнокомандующего.

– Затем, что мамка послала... Посидите с ней... Будьте добренькая...

– Посижу... Плоха твоя мать... Ох, плоха...

– Вы, бабушка, перед ней не каркайте... Мамка выздоровит! – решительно вымолвил Маркушка, сдерживая желание обругать Даниловну одним из ругательств, имеющих у него в памяти в большом запасе.

– И очень ты дерзкий, дьяволенок... Весь в отца-пьяницу... Мать твоя только хорошая... Для нее и войду... А вы оба...

Но конца Маркушка не слышал.

Выйдя от Даниловны, он не удержался, чтобы не сказать на улице: «Старая ведьма!» И затем во весь дух полетел вниз по переулку.

II

Он спустился до Петропавловской красивой церкви, пробежал мимо каменной стены, окружающей большой сад, около дома командира севастопольского порта ⁴, – тот сад, куда нередко по вечерам перелезал через забор и лакомился виноградом и другими вкусными фруктами, – и когда вышел на главную улицу, то с галопа прямо перешел на шаг.

Во-первых, ему надо было отдышаться, а во-вторых, его поразило зрелище, которого он еще до сих пор не видал.

И он даже приостановился.

Он видел, что улица запружена матросами, которые на себе тащили большие орудия, и слышал, что орудия эти с кораблей и везут их на бульвар, чтобы поставить там, и на другие места на Южной стороне вокруг Севастополя.

Маркушка видел, как торопились куда-то адмиралы, направляясь по направлению к Графской пристани, заметил озабоченные их лица, обратил внимание, что и матросы очень серьезны, и, разумеется, подбежал к ним, чтобы увидеть среди толпы матросов с «Константина».

Кто-то сказал Маркушке, что с «Константина» матросов еще нет.

Маркушка внезапно был охвачен тем же серьезным настроением, которое видел и сразу почувствовал и в матросах, и в офицерах, бывших при них, и в адмиралах, куда-то спешивших, и в партии арестантов, которые позвякивали кандалами на ходу, направляясь к себе домой на блокшив обедать после работ, и в конвойных, во всех лицах, которые в это утро встретил Маркушка на Большой улице. Если б он не несея во всю силу своих ног и своей здоровой груди из слободки вниз, то увидал бы и раньше встревоженные лица.

Маркушка встретил знакомых мальчишек, прибежавших поглазеть, и от них узнал, что «крупы» (солдат) нет. Все ушли прогонять француза и англичанина.

Но и уличные мальчишки уже не говорили с прежней самоуверенностью насчет того, что француза прогонят.

За это Маркушка их обругал, наскоро подрался с одним и вприпрыжку побежал на Графскую пристань, ловко проскальзывая между пешеходами на тротуаре.

Через несколько минут Маркушка добежал до белой колоннады перед Графской пристанью и, перепрыгивая ступеньки, спустился вниз.

Перед глазами Маркушки была знакомая картина.

Ласковая синева заштилевшего большого рейда, сверкающая под солнцем, и много военных кораблей. Вблизи у самой пристани, на мыске, каменный полукруглый форт, известный под названием Павловской батареи. Влево, у выхода в море, большие, каменные и такие же полукруглые форты в несколько ярусов со множеством амбразур, из которых чернели орудия, направленные к входу.

Никто в Севастополе и не мог подумать, что с моря может ворваться чей-нибудь флот перед этими тысячами орудий.

Никто не предполагал, что корабли придут с десантом, чтоб взять Севастополь сзади.

Маркушка стал спрашивать гребцов с военных шлюпок, дожидавшихся у пристани, нет ли шлюпки с «Константина».

Все отвечали отрицательно.

⁴ ...пробежал мимо каменной стены, окружающей большой сад, около дома командира севастопольского порта... – В этом доме прошли детские годы писателя. О нем Станюкович часто вспоминает в своих произведениях («Червонный валет», «Побег», «Маленькие моряки» и др.). Командир порта – отец писателя, адмирал М.Н.Станюкович.

Маркушка смотрел на знакомый ему шегольский трехдечный корабль «Константин» под контр-адмиральским флагом на крюйс-брам-стенге, который стоял вблизи Павловской батареи.

На нем, как и на других кораблях, шли работы по подъему и спуску орудий на шаланды, стоявшие у бортов.

И Маркушка догадался, отчего отец не мог забежать к матери.

Но все-таки надо исполнить ее поручение и подождать: не придет ли шлюпка с «Константина».

А в ожидании Маркушка пошел с Графской пристани на соседнюю, откуда на «вольных» больших шлюпках пассажиры переезжали из города на Северную сторону, на противоположном берегу бухты. Там было несколько строений поселка, и оттуда шла почтовая дорога на Симферополь и дальше в Россию.

Маркушка удивился, что на Северную сторону много отваливало шлюпок с дамами, и с ними был багаж. Были и отставные офицеры с пожитками.

Он видел и большие шлюпки, нагруженные домашними вещами. Увидел проходивший мимо тяжелый военный баркас с дамами и детьми и на баркасе много сундуков и чемоданов; сзади подвигалась шаланда, нагруженная мебелью и экипажами.

Маркушка был заинтересован этим необычным наплывом господ. Господа редко переезжали на Северную сторону. Он знал, что обыкновенно пассажирами были татары с пустыми корзинами из-под фрукт и разный рабочий люд без поклажи.

Зачем господа уезжают из Севастополя, когда в нем так хорошо? И погода не очень жаркая, и по вечерам музыка на бульваре, и фрукт так много.

Любознательному мальчику очень хотелось узнать, отчего вдруг собрались барыни, как звал Маркушка всех женщин в шляпках.

Но спросить было некого.

Знакомого перевозчика, отставного матроса, известного Маркушке под именем хорошего «дяденьки», который не раз даром перевозил мальчика на Северную сторону и обратно, когда он просил «дяденьку» позволить прокатиться по морю, и не раз разговаривал с ним и если ругался, то больше ласково, – этого «дяденьки» с его шлюпкой не было.

А он бы объяснил!

Но очень скоро знакомый худощавый старый перевозчик пристал к берегу с несколькими пассажирами с Северной стороны.

Он тяжело дышал, уставший после нескольких рейсов подряд. Пот градом катился по его изрытому морщинами лицу с маленькими острыми глазами и сизым крупным носом, и яличник наотрез отказался немедленно везти пассажиров, пока не «войдет в силу» после передышки.

Он тотчас же достал из шлюпки один из арбузов, взрезал его и стал есть сочные куски, закусывая их круто посоленным ломтем черного хлеба.

– Здравствуйте, дяденька! – обрадованно воскликнул Маркушка, подбежав к шлюпке перевозчика.

«Дяденька», которого по справедливости Маркушка мог бы называть дедушкой, кивнул мальчику коротко остриженной седой головой и вместо того, чтоб подать своему маленькому приятелю побуревшую, с вздувшимися жилами руку, протянул арбуз и ломоть хлеба и сказал:

– Закуси, Маркушка!

Маркушка немедленно впрыгнул в шлюпку и в минуту прикончил арбуз и хлеб. Затем, по-видимому, найдя, что сидеть на банке для пассажиров неудобно, Маркушка вскочил на борт шлюпки, опустив ноги в море.

Маркушка озабоченно заболтал своими грязными ногами в воде и, повернувши всклокоченную голову, слегка прикрытую такою же измызганной матросской фуражкой, какая была и

на затылке «дяденьки», спросил его, указывая арбузной коркой на публику, которая суежилась около шлюпок, нагружаемых пожитками:

– Куда это они повалили, дяденька?

– Пострел ты, Маркушка. С башкой мальчонка! А не смеканул? – протянул старик.

И, покончив с куском арбуза, не без иронической нотки в своем спокойном, ленивом голосе прибавил:

– Утекают из Севастополя.

– Зачем им утекать?

– Струсили... Опасаются, как бы французы их не забрали... Известно, дуры... Зря засуетились! – понизив голос, сказал «дяденька».

Маркушка соскочил с борта и подсел к «дяденьке».

– Да разве французы могут сюда прийти, дяденька? Ведь не смеют?

И глаза Маркушки засверкали.

– То-то посмели, Маркушка, ежели высадились. Жидкий, братец ты мой, народ, а поди ж – полагает о себе...

– Разве допустили, дяденька?

– Допустили... Может, заманивает Менщик, чтобы их сразу, подлецов, погнать домой... Не лезь, мол, в гости... Не приглашали!.. Менщик – старая лиса. Он их объегорит...

И, словно бы внезапно озлобляясь на что-то, старик возбужденно проговорил:

– А к Севастополю не подпустит... Не смеет. Ежели сразу и не прогонит француза, вернись сюда... Не оставляй без призора наш Севастополь! Не пускай сюда... французов да гличан. Только дай нам помогу... А матросики небось не отдадут Севастополя. Нахимов так и сказал: «Не отдадим, братцы!»

Маркушка жадно слушал старика и не мог сообразить, как это возможно, чтобы такой жидкий народ, как французы, мог прийти к Севастополю и чтобы наши не прогнали их немедленно, как только они высадились.

И хоть он и почувствовал, будто что-то неладно и французы могут прийти – недаром же «дяденька» допускал, что «старая лиса» сразу не прогонит, и недаром же барыни утекают, – но

словно бы желая избавиться от этого чувства и подбодрить себя, Маркушка, взволнованный, со сверкавшими глазами, проговорил:

– Не отдадим, дяденька!

– То-то и есть... А это пусть опасаются которые трусы, Маркушка... Есть такие... Перевозишь... Наслушаешься разговоров... А ты, Маркушка, видно, прокатиться захотел? – спросил «дяденька».

Маркушка объяснил, зачем пришел. Он рассказал, как тяжело дышит мать и как долго кашляет, и, рассчитывая, что «дяденька» все знает, спросил:

– Ведь мамка не помрет? Вы как полагаете, дяденька?

– Зачем ей помирать? Она матроска молодая. Отлежится... Простуда и выйдет. Не сумевайся, Маркушка... Молодца! Заботливый ты сынишка!

И «дяденька» потрепал Маркушку по спине и прибавил:

– Давай на «Костентин» смахаю. Отцу скажу, ежели пустят. Только вряд ли дозвоят матросу на берег. Видел, какая спешка против француза...

– Спасибо, дяденька! – горячо промолвил Маркушка, тронутый предложением перевозчика. – Вот и катер отвалил с «Костентина». Попрошу гребцов... Прощайте, дяденька! Так мамка выправится, дяденька?

– Сказано – выправится! – уверенно ответил «дяденька», пожимая руку Маркушки.

И Маркушка побежал на Графскую пристань и спустился вниз.

Через несколько минут безукоризненной гребли двенадцати гребцов в белых рубашках на катере были сразу убраны весла, и катер, тихо прорезывая прозрачную синеву воды, остановился у ступеньки пристани.

Из катера выскочили два офицера – один постарше, другой молодой – и пожилой старший врач.

Увидав Маркушку, молодой мичман остановился и спросил:

– Ты что здесь делаешь, Маркушка?.. Иди за мной, чертенок. Опять дам записку снести, и получишь гривенник...

– Никак невозможно, Михайла Михайлыч!..

– Отчего?

– Мать очень больна и велела дать знать тятеньке на «Констентине»... Может, отпустят... хоть на полчаса. Попросите, барин, за тятю. А я при мамке... хожу за ней.

– А как фамилия твоего тятки?

– Ткаченко... фор-марсовой, ваше благородие!

Мичман достал из кармана книжку и карандаш, вырвал листок и на спине Маркушки написал просьбу отпустить на берег фор-марсового Ткаченко к умирающей жене.

«Умирающей» назвал добрый, жизнерадостный мичман для большей убедительности.

Он отдал записку унтер-офицеру на катере и велел немедленно передать старшему офицеру.

– Есть, ваше благородие.

А Маркушке мичман сказал:

– Твое дело сделано, Маркушка. Отца спустят на берег... Я прошу за него...

Маркушка благодарил.

– Доктор был у матери?

– То-то не был, ваше благородие.

– Дурак! Мне бы сказал. Иди за мной!

И, торопливо поднимаясь по лестнице, мичман кричал:

– Доктор! Иван Иванович! Подождите!

Рыжеватый доктор остановился.

– Ну что вам, пылкий мичман?

– Не откажите, голубчик, посмотреть мать этого чертенка. Жена нашего молодца формарсового Ткаченки. Очень больна. Не встает с постели.

– Дюже исхудала! – вставил Маркушка.

Доктор спросил у Маркушки адрес и обещал быть скоро в матросской слободке.

– Так беги домой, Маркушка... И твой тятка и доктор придут... Обрадуй мать...

– И дай вам бог за вашу доброту, Михаил Михайлыч. Сколько вгодно буду носить вам письма.

– Скоро, Маркушка, не придется... А вот тебе гривенник... Купи себе чего хочешь.

Маркушка заложил монету для верности за щеку и пустился во весь дух домой.

Скоро, едва переводя дух, он вошел в комнату, положил на табуретку около кровати виноград и несколько груш и радостно произнес:

– И тятка придет... И дохтур будет... И дяденька-яличник сказал, что ты скоро оправишься – только вылежись, мамка! Дяденька понимает, не то что какие вороны...

Озноб у чахоточной прошел. Ей было лучше. Вести Маркушки значительно подбодряли матроску.

И, любуясь своим смышленным сыном, она с радостным восхищением проговорила:

– И какой же ты умный, Маркушка! И как ты все это обработал. Рассказывай... И откуда виноград?... Откуда дули?... Ишь побаловал мамку... Ешь сам, я немного...

– Не стибрил ли твой Маркушка у татар?... Он у тебя, матроска, шельмоватый! – промолвила, тихо посмеиваясь, Даниловна.

– Вот и клеплешь, Даниловна... Ах, ядовитая ты какая!.. Это ты напрасно бога гневишь... Совсе не хорошо... Мой Маркушка не таковский!.. – говорила, волнуясь и раздражаясь, больная.

– Брось, мамка... Пусть она брешет... Побрешет и уйдет! – презрительно кинул Маркушка.

И, не обращая ни малейшего внимания на старую боцманшу, достал из кармана штанов пару тарани и булку и сказал матери:

– Я, мамка, вот и тарани себе купил и булку для тебя... Попьешь с чаем... Знакомый мичман Михаила Михайлыч подарил гривенник... Страсть добрый... Встрелся на Графской... Он и исхлопотал, чтобы тятку пустили к нам... Он и доктора испросил... Одним словом...

И, возбужденный, видимо торопясь рассказать матери все, что видел и слышал в это чудное сентябрьское утро, воскликнул:

– А что, мамка, в Севастополе!.. Француза-то допустили на берег в Евпатории...

– Допустили? – протянула чахоточная.

– То-то допустили... И Менщик со всеми солдатами там... прогонять... Сказывают, француз жидкий народ... Прогонит обманом, если их много... И на улицах матросы... Орудии с кораблей везли... Чтобы поставить их кругом Севастополя. А многие, которые дуры, барыни наутек, зря струсили. Разве Нахимов пустит француза в Севастополь? Дяденька так и сказал, что никак невозможно!

Отрывочные, возбужденные слова Маркушки взволновали больную в первые мгновения.

Но уверенность чахоточной, которая и не допускала мысли о том, что дни ее сочтены, слышалась в ее проникновенном голосе, когда она проговорила:

– Не придет француз! Он безбожник! Господь нам поможет... Наша вера угодней богу.

И, выпростав из-под одеяла исхудалую бескровную руку, матроска перекрестилась; ее губы что-то прошептали – вероятно, молитву и о Севастополе, и о скорейшей поправке.

Маркушка никогда не думал о таких деликатных вопросах. Он, разумеется, не понимал, чья вера лучшая, так как дружил и с «дяденькой», и со старым одноглазым татаринцем Ахметкой, который нередко угащивал Маркушку в своей фруктовой лавчонке и виноградом и попорченными фруктами, дружил и с портным евреем Исайкой, жившим в слободке, который дарил

ему лоскутки, помог сладить большой змей и, посылая его с поручением, всегда давал три или пять копеек и в придачу еще – маковник или горсть рожков.

Но слова матери о французах были очень приятны Маркушке. Он перекрестился вслед за матроской и горячо воскликнул:

– Дай бог всех французов до одного перебить!

И, подсев к окну, стал чистить тарань, глотая слюни и предвкушая вкусную закуску.

Несколько минут царило молчание. Даниловна о чем-то загадочно думала, и злорадная усмешка кривила ее беззубый рот.

Старая, с угрюмым морщинистым лицом и злыми маленькими пронзительными глазами, похожая на ведьму, поднялась Даниловна с табуретки. Ее сгорбленная, приземистая и крепкая еще фигура выпрямилась и стала будто выше. И, обращаясь к больной, она заговорила, слегка шамкая, каким-то зловещим голосом:

– Видно, и милосердному конец терпению... Велики грехи Севастополя... И накажет за это господь... Ой, накажет!»

Матроска беспокойно вздохнула. Она чувствовала, что Даниловна закаркает, и в то же время не спускала с нее жадно-любопытных и тоскливых глаз.

А Даниловна продолжала:

– Недаром дурачок Костя пророчил... Небось слышала, что говорил?

– Мало ли что брешет дурачок...

– Думаешь, мы умные? А он дурачок, может быть, блаженный, и бог ему внушает... Третьего дня его форменно «приютжили» в полиции... А он никого не испугался... Поплакал и все свое бормочет... Неспроста, значит, говорит... И попомни, матроска... Быть великой беде... Не замолить грехов... Накопились на всех – и на вышних начальствах, и их барынях, и на матросах, и матросках... Господь и отступился... Может, князь Меншик изменщик перед нашим императором, ежели допустил высадку?.. Разве можно с моря допустить?.. Николай Павлыч прикажет Меншика в кандалы да с фельдъегерем прямо во дворец... «Как смел, такой-сякой, князь?..» А старый, что пустил француза, лукав, матроска... Отвертится от самого Николая Павлыча... Император не сказнит... А тем временем француз и турка нагрянут. Всех перекокошат. У француза такие ружья, что за версту бьют⁵ и заговоренные Бонапартом – антихристом... Наш солдат и не видит француза, а у солдата пуля в самое сердце... Убит... И как войдут в Севастополь, сейчас турка всех жителей прикончит... без разбора сословий... Только каких молодых заберут и на корабль... вроде как в крепостные пошлют турецкому султану... И все разграбят... И камня на камне не останется... Дьявол-то во всей силе с французами объявится... Бог все ему позволит... Пропадай, мол, грешный город!.. А ты: не придут! Жалко тебя, хвораая, что не скоро тебе оправиться... Ушла бы из Севастополя со своим щенком. А я оставлю дом и... гайда... Не согласна пропадать... Прощай!..

И Даниловна пошла в двери.

Ее слова произвели на чахоточную сильное впечатление. Поражен был и Маркушка.

Но, когда он взглянул на мать и увидел выражение ужаса в ее лице и слезы на ее щеках, он бросился к матери и сказал:

– Мамка! А ты не верь... ведьме. Она брешет!..

И затем подбежал к окну, высунулся в него и крикнул Даниловне:

– Ведьма!.. Ведьма! С перепуги набрехала... Ведьма! Старая карга! На том свете за язык привесят...

– Подлый щенок! Тебя первого француз убьет!.. – прошипела Даниловна.

⁵ У француза такие ружья, что за версту бьют... – Французская и особенно английская армии были вооружены усовершенствованными боевыми винтовками системы Минье.

– Он не придет... А вот я возьму да и убью ведьму... Только приди. Утекай лучше к французам... Сама францужинка!

И Маркушка кричал, пока Даниловна не скрылась в своей хате:

– Ведьма-францужинка... Ведьма-изменщица!

Матроска только простонала. Но не от боли, а от тоски и обиды за свое бессилие.

Еще бы!

Даниловна страшно накаркала Маркушке, и матроска не могла подняться с постели, чтобы по меньшей мере выцарапать глаза «подлой брехунье».

Но больная все-таки почувствовала значительное душевное облегчение, когда слышала, как хорошо «отчекрыжил» Маркушка старую боцманшу.

И с гордостью матери, любящейся сыном, радостно промолвила:

– Ай да молодца, Маркушка! Не хуже настоящего матроса отчесал ведьму.

– То-то! Не баламуть. Не смей каркать, изменщица! – все еще взволнованный от негодования и сверкая загоревшимися глазами, воскликнул Маркушка.

– Изменщица и есть...

– А то как же? По-настоящему следовало бы прикокошить старую ведьму... Как ты думаешь, мамка?

– Ну ее... Из-за ведьмы да еще отвечать?... И так навел на ее страху... Не трогай... Слушайся матери, Маркушка!

– Не бойсь, мамка... Не трону... Черт с ней, с ведьмой. Больше не придет к нам баламутить... Наутек поползет.

Матроска успокоилась и скоро задремала.

А Маркушка, уже отдумавший «укокошивать» Даниловну и довольный, что заслужил одобрение матери за «отчекрыжку» старой «карги», стал продолжать свой обед – тарань и краюху хлеба – и, прикончив его виноградом, тихонько подошел к постели.

Он взглядывал на восковое лицо матери. Он слышал какое-то бульканье в ее горле. И он невольно вспомнил слова Даниловны.

Сердце Маркушки упало. Ему стало жутко.

Он подсел к окну и жадно смотрел на безлюдную и безмолвную улицу – не проглядеть доктора.

Но страх понемногу проходил, когда Маркушка думал о том, что доктор, разумеется, быстро выправит мать какими-нибудь каплями. И она опять войдет в силу, станет крепкая и сильная, как прежде, и с раннего утра будет уходить на рынок к своему ларьку.

И он станет проводить время по-старому. Он опять будет с нею пить чай с горячими бубликами, с ней вместе уходить и заниматься своими делами. Он навестит Ахметку и Исайку, побывает на Графской: нет ли офицера, который куда-нибудь пошлет, заглянет к «дяденьке» и прокатится на шлюпке, поглазеет на лавки в Большой улице, пойдет к матери на рынок пообедать с нею, потолкается на рынке, поиграет в бабки с товарищами в слободке, потом пойдет купаться на «хрустальные воды» – в затишье Артиллерийской бухты около рынка – и вечером на бульвар или на Графскую и спать домой.

«Разумеется, доктор выправит мамку, и дяденька говорил, что мать не умрет. Зачем ей умирать?»

И, успокоенный за мать, Маркушка уже не смущается более ни мертвенностью ее исхудалого, изможденного лица, ни слабостью, ни ознобом, ни свистом, вылетающим из ее груди, ни прерывистым, трудным дыханием.

И в голове Маркушки пробегали мысли о французе, которого пустили, о пушках, которые видел утром, о толпе, матросах, об отъезде барынь, о словах «дяденьки», о Меншике, ушедшем со всеми солдатами не пускать в Севастополь, о гривеннике доброго мичмана, об адмиралах, куда-то спешивших, о Нахимове, который обнадешен матросами.

А палящий зной так и дышал в маленькое оконце... В низенькой комнате охватывала духота... А Маркушка так устал, летавши во весь дух на Графскую в обратно.

И Маркушка перестал думать. Он невольно приклонил лицо к подоконнику и моментально заснул.

III

– Протри зенки, Маркушка! – раздался над ухом мальчика грубоватый, с легкой сипотой голос.

Внезапно раскрывший глаза, Маркушка спросонья хватился бы затылком о раму низенького оконца, если бы большая, шершавая и вся просмоленная рука не лежала на его всклоченной голове.

– Отчепни двери... А то дрыхнете, как зарезанные...

Маркушка сорвался с места.

– Кто там? – словно бы в полусне прошептала матроска.

– Тятка пришел! – радостно сказал Маркушка и побежал в сени снять щеколду с дверей.

– Ну, как мамка? – пониженным голосом, казалось, спокойным, проговорил приземистый, черный как жук матрос лет сорока, с загорелым смуглым лицом, заросшим черными волосами.

– Здорово исхудала... И не ест... Доктор придет сейчас.

– Доктор? Кто добыл?

– Мичман Михайла Михайлыч... Встрел на Графской, когда за вами бегал, и сказал, что мамка больна.

В знак одобренья фор-марсовой с «Константина» Игнат Ткаченко, в белой праздничной матросской рубаше и в парусинных башмаках на босых ногах, потрепал по спине сына и вошел в комнату.

Целую неделю не видел матрос жены и, как увидал ее, то едва не ахнул – до того за неделю она изменилась.

Матрос понял, что в эту комнату пришла смерть.

Но он скрыл от больной свое тоскливое изумление, когда подошел к ней. Он только осторожнее и словно бы боязливо пожал ее восковую руку с желтыми длинными ногтями и с еще большего шутилой грубостью проговорил:

– А ты что это вздумала валяться, матроска?... Ден пять тебе отлежаться и, смотри, опять во всем своем парате в поправку...

– То-то и я обнадеежена... А ждала тебя... Думала: загулял...

– Дура ты, Анна, и есть... Не спускали... Оттого и не пришел. И сейчас отпустили всего на один час... Разве что завтра отпустят.

– То-то зайди...

– А то, думаешь, не зайду... Скоро и вовсе на баксион переберемся... Тогда буду забегать. По другой части будем... вроде как крупа... На сухопутье...

И матрос стал рассказывать, что приказано затопить несколько кораблей на входе на рейд и остальные корабли разоружить... Орудия со всех кораблей на батареи и матросов к своим пушкам... И Нахимов будет и на сухой пути начальником... И Корнилов ⁶ тоже. Башковатый адмирал... И оба они просили Меншика вытти всему флоту к французским и английским кораблям... Сцепиться, мол, с ними и – будь что будет, а изничтожить неприятельский флот... А Меншик не допустил. «Вы, говорит, адмиралы, зря только себя изничтожите... На них корабли все с машинами жарят под парами... Куда хотят, туда и иди, вроде как праходы... А вы-то что с одними парусами? Ежели ветра не будет – что вы поделаете?... А он всех и пере-

⁶ Корнилов Владимир Алексеевич (1806-1854) – выдающийся военно-морской деятель. Следовал прогрессивным традициям русской военно-морской школы. Во время Крымской войны руководил Севастопольской обороной. Погиб 5 октября 1854 г. в Севастополе.

топит... Будет себе палить, как ему вгодно, и шабаш!...» Нахимов и покорился... Ничего не поделаешь...

И матрос примолк.

– Так как же, Игнат? – спросила матроска.

– Насчет чего, Аннушка? – переспросил матрос, отводя взгляд, чтоб не смотреть на эти тревожные лихорадочные глаза, глубоко запавшие в глазницы.

– Значит, он придет к нашему Севастополю? Господь допустит?

– Ни в жисть! Нахимов с матросами не допустит. Всех французов перебьет! – с задорной уверенностью и не без отваги воскликнул Маркушка, сообразивший, что отец не забегал по дороге в питейный и, следовательно, зря не треснет.

Однако на всякий случай Маркушка попятился к дверям.

Матрос не поднял своих клочковатых, нависших бровей, придававших его добродушному лицу свирепый вид, и не сжал руки в здоровенный кулак.

Он взглянул на Маркушку с какою-то ласковой жалостью, точно понимал, что мальчик скоро будет сирота.

Но для порядка отец все-таки не без строгости проговорил:

– Видно, давно не клал тебе в кису, Маркушка!

– На прошлой неделе наклали, тятенька!

– То-то давно! – усмехнулся матрос. – Вовсе ты стал отчаянный, Маркушка! Скажи пожалуйста, какой вырос большой матрос. Рассудил!

И, обращаясь к жене, прибавил:

– Не сумлевайся, Аннушка... не оконфузимся... Скоро обозначится война. Князь Менщик окажется, какой он есть генерал против французского, ежели к десанту не поспел... Еще, может, поправится... Ну и то, что у их все ступера ⁷, а у наших таких ружей нет. У француза ступер далеко бьет, а нашему ружью не хватает дальности. Вот тебе и загвоздка.

– Зачем же нашим не роздали ступеров? – нетерпеливо спросил Маркушка.

– Ой молчи, Маркушка... Не перебивай... Съезжу!

– Слушай, что отец говорит, Маркушка! – ласково промолвила матроска.

Матрос продолжал:

– К строку не изготовили этих самых ступеров. Солдатику и обидно. И ежели Менщик в полном своем генеральском понятии да скомандует: «В штыки, братцы!» – крупа не осрамит своего звания и врукопашную... Не так обидно... Француз – известно, жидкий народ – похорохорится... однако не сустерпят штыка... И драйка к своим кораблям и гайда домой... «Ну вас!.. Не согласны»...

Маркушка даже щелкнул языком от удовольствия.

Но Маркушкина спесь была значительно сбита, когда после минутной паузы отец раздумчиво проговорил:

– И опять-таки обмозгуй ты, Аннушка: какие есть генералы при солдатах? Есть ли при рассудке в них отчаянность и умеют ли распорядиться солдатом? Это как и по нашей флотской части. Ежели начальник с флотским понятием, зря не суетится – и матросу лестно, и никогда он не обанкрутит начальника... За Нахимова Павла Степаныча куда вгодно... То-то оно и есть... Какое от Менщика будет одоление – скоро узнаем... Хучь и приди француз – а за Севастополь постоим... Живыми не отдадимся...

Несколько времени царило молчание.

– Завтра на баксион перебираться... – промолвил Игнат.

– А жить где? – спросила жена...

⁷ Штуцер – нарезное ружье. Русские войска были вооружены уже устаревшими для того времени гладкоствольными ружьями.

– В землянках...

– И харч, как на корабле?..

– Все по положению по морскому довольствию... И наш командир будет начальником баксиона... И прочие офицеры... палить будем, ежели француз придет... А за тобой, Аннушка, кто приглядывает? – вдруг спросил матрос.

– Да кто? Все Маркушка... Заботливый. Вроде как нянька ходит за матерью...

– А Даниловна?

– Сидела давеча, как Маркушка за тобой бегал.

– Небось больше не придет! – вмешался в разговор Маркушка.

– Отчего это?

– Она ведьма и изменщица... Я не пушу ее, тятенька! – решительно воскликнул Маркушка.

И, волнуясь и спеша, он рассказал, почему именно Даниловна изменщица и злющая ведьма, и не отказал себе в удовольствии похвастать, как он «отчесал» боцманшу.

Слушая Маркушку, матрос только усмехался, видимо довольный не менее матери, что «мальчонка башковат, и пестует мать, и форменно изругал боцманшу».

– А какая она изменщица?.. По какой такой причине? Она, братец ты мой, не изменщица... Даниловна злющая и много о себе полагает. А за брехню ты, Маркушка, правильно отчекрыжил.

И, обращаясь к жене, сказал:

– Небось, как был жив боцман, она не посмела бы шипеть, как гадюка... У него рука была тяжелая... Держал свою гадюку в понятии... С рассудком был боцман... И пьянствовал в плепорцию.

В эту минуту к домику подъехали дрожки.

– Доктор, мамка! – доложил Маркушка и, просветлевший, побежал встретить доктора.

Пожилый сухощавый доктор с рыжими волосами и бачками вошел в комнату, потянул длинным носом, и на его лице пробежала гримаса.

– Ну и душно здесь...

– Точно так, вашескобродие! – ответил матрос, вытянувшись перед доктором. – И дух чижелый... – прибавил он.

– Твоей жене, Ткаченко, и дышать труднее... Как тебя, матроска, звать? – спросил доктор, приблизившись к больной.

– Анной, вашескобродие! – взволнованно и внезапно пугаясь, ответила матроска.

Доктор взглянул на ее лицо и стал необыкновенно серьезен.

– Ты, Анна, не волнуйся... Нечего меня бояться... Твой матрос знает, что я не страшный.

Рыжий доктор в белом кителе проговорил эти ободряющие слова с шутливой ласковостью. Но его мягкий голос слегка вздрагивал. Добрый человек, он был взволнован при виде умирающей молодой женщины, спасти которую невозможно и которой надо спокойно врать, чтобы она не отчаялась, узнав свой приговор. А бедняга как чахоточная, разумеется, и не догадывается, что дни ее сочтены.

– Не бойся, Аннушка... Господин старший доктур добер... Вызняет, что в тебе болит внутреннее, и поможет, – сказал Игнат.

– Я не боюсь, вашескобродие! – промолвила матроска слабым, глухим голосом и старалась приподняться, но не могла и бессильно уронила голову на подушку.

– Не подымайся... не надо, – приказал доктор.

И подумал:

«К чему беднягу беспокоить осмотром. Не все ли равно?»

Но добросовестность врача говорила о долге и об обязанности облегчить хоть последние минуты потухающей жизни.

И, по-прежнему необычайно серьезный и точно в чем-то виноватый, рыжий доктор еще мягче и ласковее проговорил, вынимая из кармана молоточек и стетоскоп:

– Вот послушаем, что у тебя, Аннушка... Не бойся... Не бойся...

Доктор опустил свое ухо к трубке, уставленной у груди... Слушал, потом постукивал, потом опять приложил свое ухо к сердцу Аннушки.

Она испуганно и стыдливо закрыла глаза.

Матрос напряженно-серьезно смотрел на лысую, блестящую потом голову. Маркушка, напротив, был торжественно весел. Ему казалось, что доктор узнал, что внутри мамки, пропишет капли, и мамка пойдет на поправку.

Доктор поднялся, прикрыл одеялом матроску и увидел ее жадный вопросительный взгляд...

– Простудилась... Надо тебе полежать... Пропишу капли, и станет легче...

– И скоро можно встать, вашескобродие? – нетерпеливо спросила матроска.

– Скоро! – не глядя на больную, проговорил рыжий доктор.

Он отошел к окну, присел, отдышался, вырвал из своей записной книжки листок, написал рецепт и, казалось, чем-то раздраженный, подозвал Маркушку.

– Беги в госпиталь, получишь даром пузырек с каплями и... А кто присматривает за матерью?..

– Я.

– Ты? – удивленно спросил доктор.

– Он башковатый, вашескобродие... Все время не отходит от матери! – серьезно промолвил отец.

– Ласковый! – протянула матроска.

Доктор потрепал Маркушку по голове и сказал:

– Как принесешь, дай матери десять капель в рюмку воды... Сумеешь отлить?

– Потрафит! – заметил Игнат.

– К ночи дать еще десять. Завтра утром опять десять капель... Мать лучше будет спать...

Не буди... Понял?

– Понял... Мамка ведь скоро поправится от капель, вашескобродие?

– Да...

– Дай вам бог здоровья! – радостно проговорил Маркушка.

И сказал отцу:

– Тятенька! Пока буду бегать за каплями, спроворьте матроску Щипенкову посидеть около мамки... А я живо обернусь!

С этими словами Маркушка исчез и понесся вниз.

– Славный у тебя мальчик, Аннушка... Ну, поправляйся... От капель будешь спать. Сном и уйдет болезнь... Завтра заеду... Не благодари... Не за что!.. – проговорил доктор.

И, обратившись к матросу, прибавил:

– Перетаси кровать с больной к окну... И немедленно!..

– Есть, вашескобродие!

Доктор вышел. За ним пошел матрос и крепко притворил двери.

Доктор остановился и сказал:

– Попрошу старшего офицера, чтоб на ночь тебя отпустили домой.

– Премного благодарен, вашескобродие... Видно, крышка ей? – чуть слышно спросил матрос.

И лицо Ткаченко стало напряженно серьезным.

– Пожалуй, до утра не доживет. Она и не догадывается. Не показывай ей, что смерть пришла...

– Не окажу себя, вашескобродие. Жалко обанкрутить человека.

- То-то.
- Доктор уехал.
- Угрюмый матрос постоял на улице, выкуривая маленькую трубку.
- Затем спрятал ее в штаны и, возвратившись в комнату, проговорил:
- Ну, Аннушка, переведу тебя на новое положение... У окна скорей пойдет выправка.
- Матрос передвинул кровать...
- Небось лучше?
- Лучше... Не так грудь запирает...
- Вот видишь... Сейчас пошлю к тебе Щипенкову, пока Маркушка не обернется... А я на корабль...
- Когда зайдешь, Игнат?
- Может, на ночь отпустят... Так за Маркушку за няньку побуду. И побалакаем, а пока до свиданья, Аннушка.
- Отпросись, Игнат...
- А то как же?
- Отпустят?
- Старший офицер хоть и собака, а с понятием. Отпустит.
- Наври. Скажи, мол, матроска дюже хвора...
- Форменно набрешу... А как ты придешь ко мне на баксион и старший офицер увидит, скажу: «Так, мол, и так... Доктур быстро выправил мою матроску!»

IV

Вечером, в восьмом часу, Ткаченко пришел домой.

Больная спала. Дыхание ее было тяжелое и прерывистое. Из груди вырывался свист. Маркушка, свернувшись калачиком, сладко спал на циновке, на полу у кровати, и слегка похрапывал. Комната была залита лунным светом. С улицы долетали женские голоса. Говорили о войне, о том, что будет с Севастополем, если допустят француза.

Матрос осторожно разбудил мальчика.

Маркушка вскочил и виновато сказал отцу:

– Маленько заснул... Мамка все спит... На поправку, значит...

– Ты, Маркушка, иди спать в сени... Выспись...

– А если мамка позовет?

– Я буду заместо тебя на вахте... Ступай! – почти нежно прошептал матрос.

Матрос присел на табуретке и скоро задремал. Но часто открывал глаза и прислушивался...

В слободке царила мертвая тишина. В городе часы пробили двенадцать ударов. Доносились протяжные оклики часовых: «Слу-шай».

Матрос поднялся и заглянул в лицо больной. Облитое светом, оно казалось мертвым.

Матроска вдруг заметалась и открыла большие, полные ужаса глаза.

– Испить, Аннушка?..

– Тяжко... Духа нет... О господи!

– Постой, капли дам...

– Дай... Спаси!.. Игнат!.. Родной!.. Смерть!

Матрос дрожащими руками налил капли в рюмку с водой и поднес ее к губам жены. Она вдруг вытянулась и вздохнула в последний раз. Наступила жуткая тишина.

Матрос перекрестился и угрюмо поцеловал лоб покойницы.

Игнат до рассвета оставался в комнате.

Заснуть он не мог и курил трубку за трубкой. В голове его неотступно проносились воспоминания о покойной, об ее правдивости, верности и заботливости. Он вспоминал, как хорошо они жили четырнадцать лет и только пьяным, случалось, ругал ее и бил, но редко и с пьяных глаз.

И чем больше думал матрос о своей жене, тем мучительнее и яснее чувствовал ужас потери. На душе было мрачно.

– Прости, в чем виноват! Прости, Аннушка! – взволнованно шептал матрос.

Наконец стало рассветать, и матрос вышел из дома. Он разбудил Щипенкову и просил ее честь честью обмыть покойную и одеть. Скоро они положили ее на стол. От Щипенковой Игнат пошел звать одну знакомую старую вдову-матроску, умевшую читать псалтырь, прийти почитать над покойницей и затем зашел к старику плотнику – заказать гроб.

Когда матрос вернулся, в сенях Маркушки уже не было.

Он был в комнате, смотрел на покойную и безутешно рыдал.

– То-то, Маркушка! – мрачно проговорил матрос.

– Тятенька!.. Разве мамка взаправду умерла? – воскликнул Маркушка. – Тятенька!

– Взаправду...

– Как же доктор говорил?

– Чтоб не тревожить... А он сразу мне сказал, что смерть пришла... Ничего не поделаешь... Нутренность была испорчена.

Матрос послал Маркушку просить священника, а сам ушел на корабль, обещая прийти к вечеру...

Через день хоронили матроску.

За гробом, выкрашенным олифой, шли рядом матрос и Маркушка; за ними десяток матросок.

Батюшка опоздал к выносу, и вынесли гроб около полудня.

День стоял теплый, но серый. Дул слабый ветер.

Все провожавшие услышали какой-то тихий гул в воздухе, точно слабые раскаты далекого грома.

И матроски оглядывались на Северную сторону, откуда, казалось, доносился гром, и крестились.

– Это пальба слышна... Менщик не пуцает француза! – вымолвил матрос, прислушиваясь.

Маркушка стал креститься.

Возвращаясь с кладбища, отец говорил Маркушке:

– Понаведывайся ко мне на четвертый баксион. Около бульвара... А живи у Щипенковой... Будешь помогать ей...

– Я бы к дяденьке лучше.

– Что ж... Ежели возьмет... А потом обмозгую, где тебе находиться... может, и к тетке в Симферополь пошлю...

– Я бы здесь...

– А ежели бондировка?..

– Что ж... к вам бы бегал, на баксион...

– Глупый... А убьют?..

– Зачем убьют... Уж позвольте, тятенька, остаться...

– Там видно будет, какая будет тебе моя лезорюция... а пока прощай, Маркушка... Завтра приходи на баксион... к полудню... Вот тебе два пятака на харчи, сирота!

У бульвара они разошлись. Матрос пошел на бульвар, а Маркушка на Графскую пристань.

Он снова видел матросов, везущих пушки, слушал отдаленную пальбу и вдруг, охваченный тоской по матери, горько заплакал, направляясь к Графской пристани.

ГЛАВА II

I

«Дяденька», старый яличник Степан Трофимович Бугай, только что вернулся с Северной стороны и видел там первого раненого офицера в Альминском сражении ⁸.

Его привезли в коляске.

Яличник видел полулежашую крупную фигуру с черноволосой головой без фуражки, с мертвенно-бледным красивым молодым лицом. Он видел напряженно серьезное лицо военного врача, сидевшего бочком в коляске, лакея в «вольной» одежде на козлах рядом с ямщиком и двух донских казаков на усталых лошадках, провожавших коляску.

Когда раненого перенесли на катер, чтоб переправить к морскому госпиталю, молодой ямщик на минуту остановился около кучки любопытных и сказал, что привез важного офицера, которому вначале сражения оторвало ногу ядром, и по случаю того, что «барин княжеского звания и страсть богатый», для него обрядили коляску и запрягли курьерских со станции, чтобы летом доставить в Севастополь. Пусть, мол, доктора приложат все свое старание для князя из Петербурга.

Ямщик прибавил, что по дороге обогнал пешеходных раненых солдат, которые плелись к Севастополю, а видел и таких, «кои истекали кровью в степи».

Ямщик поехал на станцию. Два казака, молодые, запыленные и довольные, подъехали к кучке у пристани и спросили, где бы можно закусить, отдохнуть, покормить коней и тогда уж вернуться к своей части.

Бугай спросил казаков: как наши управляются с французом и пойдет ли он наутек, на свои корабли.

Один казак ответил, что по началу еще неизвестно. Однако уже много наших он перебил и поранил. Его видимо-невидимо, и наши ружья зря палят.

– Ничего не поделаешь против стуцеров! – не без важности прибавил другой казак.

В нескольких шагах остановилась татарская маджара ⁹. Казаки переглянулись и подъехали к ней.

Не прошло минуты, как верхушки двух пик были увенчаны несколькими арбузами и дынями, и казаки отъехали с веселым смехом.

Старый татарин только сверкнул глазами, полными злобы.

Подъехал фаэтон с господином и растерянной дамой. Они приехали с ближнего своего хутора и наняли Бугая перевезти в Севастополь.

По дороге пассажиры толковали между собой о том, что будет с их домом, если придут союзники или наши. Наверное, все разорят. Пожилой господин, по-видимому грек, бранил князя Меншикова за то, что у нас мало войска. Из-за этого татары волнуются и многие уж бросили хутора и пошли в турецкий лагерь, чтобы служить им лазутчиками и быть проводниками.

– Надеются, шельмы, что Крым отойдет к туркам! – прибавил пожилой обрусевший грек.

⁸ ...видел там первого раненого офицера в Альминском сражении. – Сражение на реке Альме произошло 8 сентября 1854 г. Русские стремились не допустить неприятеля к Севастополю. Однако исход боя был решен прежде всего военно-техническими преимуществами союзнических армий, их численным превосходством, у русских было 35 тысяч солдат (указанная в повести цифра – 25 тысяч – ошибочна), то есть наполовину меньше армии союзников. Нельзя не отметить также и бездарность русского командования. Русские солдаты не раз ходили в штыковые атаки, своей храбростью изумляя даже врагов. Англо-французские войска понесли большие потери, но победа осталась за ними. Путь на Севастополь оказался открытым.

⁹ Маджара (мажара) – длинная телега с решетчатыми боковыми стенками. Распространена на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе.

Бугай перевез пассажиров и никому из товарищей-яличников не сообщил первых нехороших известий.

«Еще правда ли?» – подумал старый яличник.

Однако был в подавленном мрачном настроении. Он как-то лениво попыхивал дымком из трубочки, которую держал в еще крепких белых зубах, и часто сердито и тревожно взглядывал за бухту, напряженнее прислушиваясь к отдаленному гулу выстрелов.

Раскаты были чаще и, казалось, слышнее.

И Бугай снял шапку и истово перекрестился.

– Дяденька! – окликнул Маркушка, утирая грязным кулаком глаза, полные слез.

Мальчик, подошедший к ялику, не походил на прежнего смелого и бойкого Маркушку.

Он напоминал собой бездомную собачонку, прибежавшую искать приюта и ласки.

– Что мамзелишь, Маркушка? Попало за шкodu, и не скуль! – сердито сказал «дяденька», поворачивая голову.

– Дяденька!.. Мамка... По-хо-ро-ни-ли! – протянул мальчик, точно оправдываясь.

К горлу подступали рыдания. Но Маркушка старался сдерживать их.

В темных глазах мальчика стояло такое отчаяние, что угрюмое выражение лица старого яличника быстро смягчилось.

И он глядел на Маркушку, не роняя слова.

Его молчание было тем проникновенным и участливым молчанием, которое дороже слов. Бугай точно понимал, что всякие слова утешения бессильны и фальшивы.

И Маркушка чувствовал, как тоска отчаяния смягчалась под ласковым, почти нежным и слегка смущенным взглядом маленьких глаз «дяденьки».

– Что же не валишь в шлюпку, Маркушка? – наконец проговорил Бугай. – Скоро на ту сторону. Прокатимся. Отсюда нема пассажира. Больше оттуда... С хуторов повалили.

Маркушка вошел в ялик и притих, довольный, что нашел себе приют на ялике, под боком «дяденьки».

– Отец на баксионе?

– На баксионе.

– Ты обедал?

– Нет. Тятка дал грошей... Куплю чего-нибудь.

– Поешь!

С этими словами Бугай достал из ящика под сиденьем булку, копченую рыбу и небольшой кусок мяса.

– Все съешь, а кавун на закуску... То-то и вкусно будет.

Пока Маркушка ел, яличник раздумчиво посматривал на мальчика, и когда тот прикончил обед и принялся за арбуз, Бугай сказал:

– А пока что у меня живи... День будешь вроде рулевого на ялике, а на ночь в мою хибарку... Хочешь, Маркушка?

Маркушка ответил, что очень даже хочет и тятку просил, чтобы к «дяденьке».

– А отец что?

– Позволил. Пока, говорит, ежели вы позволите. А там, мол, видно. Но только тятка в Симферополь хочет услат... к тетке...

– И поезжай!

– За что, дяденька?

– За то!

– Мне бы остаться, дяденька... И тятку просил остаться... Хучь бы и бондировка... Я бы к тятке на баксион забегал... Только бондировки не будет... Менщик ловок... Не допустит. Теперь он чекрыжит их, шельмов... Расстрел их, дьяволов, идет!

– То-то еще неизвестно. Ешь себе кавун, Маркушка... И как бог даст!

Бугай снова стал очень серьезен. Он нахмурил брови и стал прислушиваться.

– Слышишь, Маркушка?

– Что-то не слышать, дяденька!

– Значит, конец стражению! – прошептал строго Бугай.

С судов на рейде пробили шесть склянок.

– Едем! – сказал Бугай.

Он отвязал конец, прикрепленный к рыму на пристани, отпихнул шлюпку, сел на среднюю банку, взял весла и приказал Маркушке сесть на сиденье в корме, на руль.

– Умеешь править? – строго спросил яличник.

– Пробовал, дяденька! – ответил Маркушка и самолюбиво вспыхнул.

– Не зевай... Рулем не болтай. На дома держи... Вон туда... Видишь? – сказал, указывая корявым указательным пальцем на белеющее пятно построек на противоположном берегу.

– Вижу, дяденька! – несколько робея, промолвил Маркушка.

Бугай поплевал на свои широкие, мозолистые ладони и стал грести двумя веслами.

Он греб как мастер своего дела, ровно, с небольшими промежутками, сильно загребывая лопастями воду.

И шлюпка ходко шла, легко и свободно разрезывая синеющую гладь бухты играющей рябью.

Проникнутый, казалось, ответственностью своей важной обязанности, Маркушка, необыкновенно серьезный и возбужденный, с загоревшимися глазами, устремленными вперед, вцепившись рукой в румпель, правил, стараясь не вилять рулем и видимо довольный, что нос шлюпки не отклонялся ни вправо, ни влево.

Рулевой и гребец молчали.

По временам Бугай вглядывал назад, чтоб проверить направление ялика, и удовлетворенно посматривал на серьезного маленького рулевого.

И на середине бухты проговорил с легкой одышкой:

– Молодца, Маркушка! Ловко правишь!

Маркушка зарделся.

В эту минуту он чувствовал себя бесконечно счастливым.

– Встречные шлюпки оставляй влево...

– Есть! Влево! – ответил Маркушка, перенявший обычный матросский лаконизм служебных ответов от отца и других матросов.

И, когда встретил вблизи ялик, Маркушка осторожно переложил руль, и ялик, полный пассажирами, прошел в расстоянии сажени.

– Бугайка! – крикнул яличник. – Солдаты подходят... Раненые!.. Сказывают, француз одолел!

Бугай нахмурился и налег на весла.

II

Когда шлюпка пристала, несколько яликов, полные солдат, отваливали.
При виде того, что увидал на Северной стороне Маркушка, сердце его замерло.
И он с ужасом воскликнул:

- Дяденька!!
- Видишь: раненные французом! – сердито сказал Бугай.
- А он придет?
- Старый яличник не ответил и проворчал:
- И что смотрит начальство! По-ря-дки!

Большое пространство берега перед пристанью было запружено солдатами в подобранных и расстегнутых шинелях. Они были без ружей, запыленные, усталые, с тревожными и страдальческими лицами. Словно испуганные овцы, жались они друг к другу небольшими кучками. Большая часть сидела или лежала на земле. Тут же сгруппировались телеги и повозки, переполненные людьми. Никакого начальства, казалось, не было.

Среди людей раздавались раздирающие крики о помощи, вопли и стоны. Слышались призывы смерти.

Никакой медицинской помощи не было. Военных баркасов для переправы раненых в госпиталь еще не было.

Покорная толпа ожидала... То и дело подходили новые кучки и, истомленные, опускались на землю.

Маленький, заросший волосами военный доктор, сопровождавший первый транспорт тяжелораненых, то и дело перебежал от телеги к телеге и старался успокоить раненых обещаниями, что скоро доставят их в госпиталь. Он встречал молящие, страдающие взгляды и глаза, уже навеки застывшие.

Врач бессильно метался, зная, что помочь невозможно.

И, вспомнив что-то, он подошел к шлюпке Бугая, в которую уже бросилось человек двадцать раненых, и, обратившись к молодому бледному офицеру с повязкой на голове, из-под которой сочилась кровь, проговорил:

– Сейчас поезжайте в госпиталь, Иван Иванович... Бог даст, рана благополучная... Пулю вынут скоро.

И, словно бы желая облегчить свое раздражение, прибавил:

– Вы видели, Иван Иванович... Видели, что здесь делается? Час приехали, и нет шлюпок. Ведь это что же? Как я перевезу тяжелораненых... Куда я их дену? Уж десятки умерло... А сколько еще подъедут. Это черт знает какие порядки... Даже корпии не хватило...

Прибежал откуда-то пожилой моряк, смотрел на бухту и ругался:

– Хоть бы вовремя предупредили... Давно бы были пароходы и баркасы, а то... Разве я виноват? Доктор! Вы понимаете, каков штаб у Меншикова!.. Не знал ли он, что будут раненые?!

– Это ужасно... Ведь люди! – возмущался доктор.

Тогда моряк вошел в середину толпы и крикнул:

– За баркасами послано, братцы! Потерпи. Сейчас вас перевезут!..

Но доселе безропотно ожидавшие, казалось, взволновались словами моряка.

Из толпы в разных концах раздались слова:

- Бросили здесь, как собак!
- С раннего утра не ели.
- Хоть бы перевязали... Истекай кровью!
- В город доставьте... Не давайте умирать!

– Он нагрянет...

– Всех нас и заберут!

Раненые зашевелились. Многие стали подниматься.

Тогда моряк во всю мощь своего голоса крикнул:

– Сиди, братцы! Не слушай дураков! Он не придет. Наша армия не пустит.

С этими словами он быстро вернулся к пристани и крикнул Бугаю:

– Стоп отваливать!

С ближайшей телеги донесся голос:

– Менщик пустил... Пропали мы!

– Врешь! – закричал на раненого моряк.

Он достал из кармана листок бумаги и написал карандашом на ней несколько слов.

– Ты, рулевой мальчишка! – сказал моряк Маркушке.

– Есть, вашескобродие.

– Знаешь квартиру Павла Степаныча Нахимова?

– Как не знать.

– Сбегай немедленно к нему и передай записку.

– Есть!

В ту же минуту сбоку, вокруг толпы, подъехал к пристани на крымском славном иноходце молодой запыленный офицер в адъютантской форме.

Он соскочил с седла, бросил поводья сопровождавшему его казаку и крикнул на отвалившую только шлюпку Бугая:

– Вернись... Возьми...

Бугай затабанил, и шлюпка была у пристани.

– Еду с письмом от главнокомандующего к Корнилову! – взволнованно проговорил адъютант, пожимая руку знакомого моряка.

– Ну что?.. Какие вести?

– Плохие...

– Отступили?..

– В беспорядке!.. Срам... Кирьяков с дивизией перепутал...

– А куда армия?..

– Отступаем на Инкерман... Ночуем там...

– А союзники?

Офицер пожал плечами.

– Идут за нами... Может, и в Севастополь!.. – ответил чуть слышно офицер.

И, пожав руку моряка, вошел в шлюпку, и она отвалила.

Наконец показалась большая флотилия больших гребных судов, плывших на Северную сторону для перевозки раненых в город.

Старый яличник наваливался на весла, угрюмый, не проронивший ни слова и прислушивавшийся к подавленному тону разговоров своих пассажиров.

– Дяденька! Идут! – радостно крикнул Маркушка.

Он стоял у руля в маленьком кормовом гнезде сзади переднего сиденья на ялике.

«Дяденька» Бугай быстро повернул голову, взглянул секунду-другую на военные баркасы и катера и удовлетворенно прошептал:

– Слава тебе господи!

Маркушка правил рулем добросовестно.

Весь отдавшийся своему делу, он не слышал, о чем разговаривали перед его носом два офицера: оба усталые, бледные, молодые, со сбившимися повязками – один – на голове, другой – на шее.

Офицер с повязкой на голове, блондин с грустными, вдумчивыми глазами, говорил тихим голосом, полным безнадежной тоски, об Альминском сражении.

– И что могли сделать двадцать пять тысяч наших, почти безоружных со своими кремневыми ружьями, против семидесяти тысяч союзников, отлично вооруженных? Они могли только умирать благодаря генералам, поставившим солдат под выстрелы... Уж потом приказали отступать, когда уж пришлось бежать...

Слезы дрожали в глазах блондина, и он еще тише сказал:

– И какая неприготовленность!.. Какое самомнение!.. Ведь все думали, что закидаем иностранцев шапками... Вот как закидали!

– Быть может, еще поправимся... Дай нам хорошего главнокомандующего, хороших генералов...

– Прибавьте пути сообщения, чтоб поскорей пришли из России войска... Прибавьте порядок – видели сейчас на Северной стороне, – прибавьте хорошее вооружение и многое... многое, что невозможно... Нет, надо необычайную глупость неприятеля, чтоб мы могли поправиться... И знаете ли что?

– Что?

– Нас разнесут... Понимаете, вдребезги? – прошептал блондин.

И еще тише прибавил:

– Для нашей же пользы.

– Какой?

– Еще бы! Мы избавимся от самомнения и слепоты... Пойдем, отчего нас разнесут. В чем наша главная беда... О, тогда...

Молодой офицер внезапно оборвал... Его большие славные глаза словно бы сияли какою-то восторженностью, и в то же время в них было что-то страдальческое.

Он слабо застонал и схватился за голову. Лицо побледнело.

Сидевший по другую сторону старый солдат поднес к побелевшим губам офицера крышку с водой, еще оставшейся в манерке.

– Испейте, ваше благородие.

Офицер отпил два-три глотка и благодарно посмотрел на солдата.

– Ты куда ранен? – спросил он, казалось не чувствуя острой боли.

– В живот, ваше благородие.

– Перевязан?

– Никак нет. Сам по малости заткнул дырку, ваше благородие. В госпитале, верно, осмотрят и станут чинить.

Скоро шлюпка пристала.

На пристани стояла небольшая кучка. По-видимому, это были рабочие из отставных матросов. Больше было женщин: матросок и солдаток.

Мужчины помогли слабым выйти из шлюпки и предложили довести до госпиталя. Двум раненым офицерам привели извозчика, и они тотчас уехали. Ушел и адъютант.

А солдаты пока оставались на пристани. Бабы их угощали арбузами, квасом и бубликами, расспрашивали, правда ли, что француз придет и отдадут Севастополь. И многие плакали.

– Брешут все!.. А вы главные брехуны и есть! – крикнул Бугай.

Он только что получил тридцать копеек от трех офицеров и на такую же сумму оделял медяками «своих пассажиров».

– Пригодятся, крупа! – сердито говорил Бугай.

Единственный свой пятак Маркушка торопливо, застенчиво и почти молитвенно положил в грязную руку солдата с короткой седой щетинкой колючих усов, который казался мальчику самым несчастным, страдающим из раненых, внушающим почтительную, словно бы благоговейную жалость взволнованного сердца.

Солдат покорно, без слов жалобы, сидел на земле, такой изможденный, сухенький и маленький старичок, запыленный, с разорванной шинелью на плечах, без сапог, в портянке на одной ноге и с обмотанной пропитанной кровью тряпкой на другой, с сморщенным, почти бескровным лицом, на щеке которого вместе с какой-то черной подсыпкой выделялся темно-красный большой сгусток запекшейся крови. Правая рука была подвязана на какой-то самодельной повязке из серого солдатского сукна.

– Спасибо, мальчонка! Выпью шкалик за твое здоровье! – бодро проговорил раненый солдат. – Еще починят. До свадьбы заживет! – прибавил он с улыбкой, и грустной и иронической, поглядывая маленькими оживившимися глазами на свою руку и ноги.

Какая-то матроска угощала квасом. Старик добродушно сказал:

– Квас квасом, а ты спроворила бы, бабенка, шкаликом. Вот тебе семь копеек, что дедушка с внуком дали. А затем можно и до госпиталя доплестись.

Маркушка подбежал к Бугаю и спросил:

– Бегу к Нахимову, дяденька, с запиской?

– Беги! Если уеду – жди здесь.

– Лётом обернусь. Еще застану.

И полетел на Екатерининскую улицу.

III

Был шестой час на исходе.

На Графской пристани и на Екатерининской улице были небольшие кучки морских офицеров, чиновников и дам.

Почти на всех лицах были подавленность и изумление. Везде шли возбужденные разговоры о только что полученной вести – что наши войска разбиты и в беспорядке отступают, преследуемые союзниками.

Раздавались восклицания негодования. Обвиняли главным образом Меншикова за то, что он с такими солдатами и был разбит так ужасно.

Что теперь будет с Севастополем?..

По Большой улице проезжал старый генерал на усталой лошади, один, понурый, в солдатской шинели, простреленной в нескольких местах.

Это был корпусный командир, один из участников Альминского сражения, только что приехавший от отступающих войск. С балкона губернаторского дома, на котором сидело несколько дам и двое молодых инженеров, хозяйка, пожилая жена адмирала, окликнула знакомого генерала.

Он остановился у решетки сада и, поклонившись, извинился, что не может зайти.

– Что будет с нами, любезный генерал? – по-французски спросила адмиральша.

Генерал сказал, что знает обо всем Меншиков и более никто. И, пожимая плечами, точно он ни в чем не виноват, проговорил, что благодаря глупости одного генерала и странной диспозиции ¹⁰ главнокомандующего мы должны были отступить... А у него шинель прострелена во многих местах. Его вовремя не поддержали и... оттого потеряна битва...

И негодуя прибавил:

– Знаете, что сделал главнокомандующий? Он с поля сражения послал своего адъютанта Грейга ¹¹ в Петербург к государю – и вообразите! – приказал Грейгу доложить все, все, что видел, и что письменную реляцию ¹² пошлет завтра... Разве это не дерзость?.. Так огорчить государя?!

С этими словами генерал уехал.

Все изумились дерзости Меншикова. Дамы печалились главным образом тем, что государь будет так огорчен. О множестве убитых и раненых как будто не вспомнили.

Торопливо выскочившая из фаэтона дама, из севастопольских «аристократок», вбежала на балкон и, поздоровавшись со всеми, взволнованно сказала:

– Знаете ужасную вещь?

И рассказала, что только что умер в госпитале N красавец гвардеец, только приехавший из Петербурга... У него была оторвана нога ядром, и прожил несколько часов.

Большая часть присутствующих дам знали покойного, и все пожалели, что такой красивый, молодой и богатый князь погиб. Это ужасно... ужасно!

– Не он один убит! На войне бывает много убитых и раненых! – произнес вошедший из комнат на балкон хозяин, высокий, слегка сутуловатый, худощавый адмирал, видный, живой и моложавый, несмотря на свои шестьдесят лет.

¹⁰ Диспозиция – письменный приказ войскам для исполнения боевой задачи, походного марша, маневра.

¹¹ Грейг Самуил Алексеевич (1827-1887) – сын известного русского адмирала Грейга А.С. В 1851-1854 гг. был адъютантом А.С.Меншикова, впоследствии – министр финансов, член Государственного совета. О посольстве Грейга к Николаю I Станюкович подробнее рассказывает в автобиографической повести «Маленькие моряки».

¹² Реляция – письменное донесение командования о боевых действиях войск.

Озабоченный и насупившийся, он проговорил эти слова резким, отрывистым тоном, поздоровался с приехавшей дамой, женой одного из адмиралов, и присел вблизи общества, сидевшего вокруг стола.

При адмирале все примолкли и принялись за фрукты.

Через минуту молодая адмиральша обратилась к хозяину:

– Но все-таки мне скажите... Должны сказать...

– Что-с?

– Что будет с Севастополем? Меншиков разбит... Мы беззащитны. Отдадим Севастополь? Французы будут здесь?

– Надо еще взять Севастополь. Возьми-ка его! – вызывающе сказал адмирал. – Вы повторяете нелепые слухи, слухи! – прибавил он раздраженно.

– Вы только хотите успокоить. Но надо же знать. Бог знает что случится в эту же ночь.

– Ночью вам нужно почивать, сударыня. И примите мой добрый совет.

– Какой?

– Не слушайте болтовни и сами меньше болтайте... Да-с!

Дама сделала обиженное лицо.

– Вы очень нелюбезны, Андрей Иванович! Мы в таком волнении. Не знаем, к чему готовиться... Муж молчит. Я уверена, что мосье Никодимцев не откажет нам объяснить.

И молодая женщина спросила молодого инженера, недавно приехавшего из Петербурга:

– Скажите... Легко взять наш Севастополь?

И другие дамы стали просить инженера.

Инженер помялся.

Но через минуту серьезно и с солидным видом проговорил:

– Если неприятель хорошо осведомлен и воспользуется нашим поражением, то...

– То вы, молодой человек, говорите вздор! – грубо перебил адмирал, сердито ерзая плечами. – Какое поражение?! Мы отступили – вот и все.

Инженер покраснел.

– Вы ничего не знаете о положении Меншикова! – уже не так резко сказал хозяин. – А я знаю!

И прибавил:

– Я только что виделся с Корниловым. Он получил письмо от главнокомандующего. Он отступает к Севастополю и ночует на Северной стороне. И неприятель не преследует. А у нас еще наши батальоны моряков да пять тысяч новых защитников.

– Извините за вопрос, ваше превосходительство, кто новые защитники? – осторожно спросил инженер.

– Арестанты! Они будут молодцами и загладят свои преступления!..

Адмирал говорил уверенно и властно.

Но слова его нисколько не убедили молодого инженера. Он решил про себя, что адмирал ничего не понимает. Однако, чтоб не нарваться на новую грубость, поспешил поддакнуть адмиралу и почтительно прибавил, что его предположения ошибочны.

Адмирал метнул на инженера взгляд, в котором скользнуло гневное выражение.

Дамы несколько успокоились.

А между тем адмирал отлично знал критическое положение Севастополя и нарочно обобрав «глупого болтуна», как обозвал мысленно адмирал инженера.

Как и многие отличные моряки, но не особенно прозорливые и безусловно верившие в военную силу и мощь России, адмирал не верил высадке неприятеля, а потом, когда явились корабли, адмирал почти был уверен, что Меншиков не допустит высадку. Но, когда и в этом пришлось увериться, поражение наших войск под Альмой было неожиданностью для старого моряка николаевского времени.

Разделяя самоуверенность с большей частью людей той эпохи, адмирал высокомерно относился к тем немногим, которые ожидали серьезных бед от войны, и с удовольствием читал модное тогда хвастливое стихотворение, которым зачитывалось общество.

Стихотворение это начиналось следующим куплетом ¹³:

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон ¹⁴
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.

И адмирал, не допускающий и мысли о какой-нибудь серьезной опасности Севастополю, все откладывал отправку своей семьи и подсмеивался над теми сослуживцами, которые торопились выслать жен и детей вслед за известием, что огромный флот союзников вошел в Черное море, направляясь к крымским берегам.

Зато в этот день восьмого сентября 1854 года ошеломленный, подавленный и бессильно обозленный адмирал понял, что не сегодня-завтра союзники могут взять Севастополь, оставленный гарнизоном, и главнокомандующий союзных войск станет властным хозяином Севастополя и займет тот большой, окруженный прелестным садом, уютный казенный дом, в котором живет теперь с большой семьей он, командир севастопольского порта и военный губернатор.

Четверть часа тому назад он виделся с Корниловым – этим признанным всеми вершителем и распорядителем Севастополя. Недаром же Корнилов своим умом, доблестью и силою духа умел вселять веру в него.

Негодующий на главнокомандующего, он показал адмиралу только что полученную им от князя Меншикова записку.

В записке князь писал, что оставляет Севастополь. Если он не может спасти его, то спасет армию от уничтожения. Чтобы не быть отрезанным от сообщения с Россией, от двух дивизий, уже пришедших в Крым, он в ту же ночь, после небольшого роздыха войскам, начнет фланговое движение, оставивши неприятеля влево. Соединившись с новыми войсками, он пойдет на неприятеля.

«А Севастополь уже будет уничтожен!» – подумал адмирал, прочитавши записку главнокомандующего.

Не сомневался в этом и Корнилов. Но он решил защитить Севастополь с горстью моряков и умереть с ними, защищая город. В ту же ночь все способные носить оружие должны ожидать неприятеля. С арестантов долой кандалы!

Никто не мог подумать, что союзники, после Альминской победы, не решатся идти брать Севастополь ¹⁵, что, не зная его беззащитности, они пойдут на южную сторону, чтобы начать осаду, и что Севастополь падет только через одиннадцать месяцев героической защиты.

Адмирал посидел несколько минут на балконе, вернулся в свой кабинет и снова продолжал работать вместе с двумя адъютантами, диктуя соответствующие распоряжения.

¹³ Вот в воинственном азарте... – куплет из хвастливого стихотворения «На нынешнюю войну», напечатанного по личному указанию Николая I в газете «Северная пчела» (1854, № 37). В газете стихотворение помещено без подписи. Автор его – Алферьев Василий Петрович (1823-1854), малоизвестный поэт.

¹⁴ Первый министр в Англии, когда она объявила России войну. (Примеч. автора.) Пальмерстон Генри Джон (1784-1865) – английский реакционный государственный деятель, в 1846-1851 гг. – министр иностранных дел, в 1852-1855 гг. – министр внутренних дел. Считая Россию главным соперником Англии в Азии и на Ближнем Востоке, Пальмерстон был одним из организаторов Крымской войны.

¹⁵ ...союзники... не решатся идти брать Севастополь... – Наступление союзников было задержано их большими потерями в Альминском сражении.

И скоро вышел, сел на лошадь и поехал объезжать город, успокаивая взволнованных жителей.

IV

Маркушка, посланный с запиской к Нахимову, через две минуты добежал до небольшого дома и вошел в незапертый подъезд.

В прихожей сидел матрос-ординарец.

– Нахимов дома? – спросил Маркушка.

– Ад-ми-ра-ла? Да зачем тебе, мальчишка, адмирала? – спросил маленький черноволосый молодой матросик.

И вытаращил на Маркушку свои пучеглазые, ошалевшие и добродушные черные глаза.

– Дело! – значительно и серьезно сказал мальчишка.

– Дело?

И матросик прыснул.

– Да ты не скаль зубы-то, а доложи сей секунд: «Маркушка, мол, пришел...»

– Скажи пожалуйста!.. С каким это лепортом? Не накласть ли тебе в кису да по шеям?..

– Как бы тебя Нахимов не по шеям, а я письмо принес с Северной; приказано Нахимову беспрерывно отдать. Можешь войти в понятие?.. Доложи! – громко и нетерпеливо говорил Маркушка.

– Так и сказал бы! А то хочешь, чтоб тебя, охальника, да по загривку. Да черт с тобой, мальчишка! – добродушно улыбаясь, сказал ординарец. – А нашего адмирала, братец ты мой, дома нет. Будь дома, я тебя, ерша, пустил бы в горницы и без доклада. Адмирал не форсист... Он простой... От кого же у тебя письмо?

– От флотского барина. А ты, матрос, укажи, где найти Нахимова. Обегаю город и разыщу.

– Спешка?

– То-то. Так не держи. Сказывай.

– По баксионам, верно, объезжает. Каждый день на баксионах. Как, мол, стройка батареев идет... Поторапливает.

– Ну, бегу...

– Стой, огонь! Подожди! К восьми склянкам обещался быть. Минут через пять вернется! Садись вот около, да и жди!

Маркушка присел на рундуке в галерее.

– А ты зачем был на Северной, Маркушка? Живешь там?

– Нет... Тятка мой на четвертом баксионе, а я рулевым на ялике дяденьки Бугая! – не без достоинства проговорил Маркушка.

– Ишь ты?.. Рулевым? Да тебе сколько же, мальцу, годов?

– Двенадцатый! – вымолвил Маркушка.

«Кажется, не маленький!» – слышалась, казалось, горделивая нотка в голосе, и серьезное выражение лица.

И сказал, что только на ялике привез двадцать пассажиров раненых.

– А сколько их на Северной осталось! Страсть. Лучше и не гляди на них... Жалко! Так стон стоит! А призору им не было... Только теперь пришли баркасы. Заберут! – говорил взволнованно Маркушка.

И с озлоблением прибавил:

– Все он, подлец, перебил... И сколько нашего народа... И вовсе стучером обескуражил наших... А он за нашими и в ночь придет на Северную... Разве что Нахимов не пустит...

Но уж в голосе Маркушки не было уверенности.

– Ишь ты, чего наделал Менщик! – испуганно вымолвил матрос.

– Стучер... И силы мало!.. – воскликнул Маркушка.

– А вот и Нахимов приехал! – сказал матрос и вскочил.

Вскочил и Маркушка и увидел Нахимова, подъезжавшего на маленьком конике к крыльцу.

ГЛАВА III

I

Нахимов ловко слез с небольшого гнедого иноходца и, слегка нагнувши голову, быстрыми и мелкими шагами вошел в галерею.

Обожаемый матросами за справедливость, доступность и любовь к простому человеку, уважаемый как лихой адмирал, уже прославившийся недавним разгромом турецкой эскадры в Синопе ¹⁶, и впоследствии герой Севастополя, – Нахимов был среднего роста, плотный, быстрый и живой человек, казавшийся моложе своих преклонных лет, с добрым, простым, красноватым от загара лицом, гладко выбритым, с коротко подстриженными рыжеватыми с проседью усами. Небольшие светлые глаза, горевшие огоньком, были серьезны, озабоченны, и в то же время в них чувствовалась доброта.

¹⁶ ...разгром турецкой эскадры в Синопе... – Синопское сражение произошло 18 ноября 1853 г. Русская эскадра под командованием П.С.Нахимова наголову разбила турецкий флот, что значительно ослабило Турцию и сорвало англо-турецкий план захвата Кавказа. Победа русского флота послужила для Англии и Франции предлогом вступить в войну якобы для «защиты Турции». Позднее к ним присоединилась Сардиния. Так сложился союз держав, противостоящих России в Крымской войне.

И от всей его фигуры, и от строгого, казалось, выражения лица, и от нахмуренных бровей так и дышало необыкновенной простотой, правдивостью и почти что детской бесхитростно-

стью скромного человека, казалось и не подозревавшего, что он герой. Он думал, что только делает самое обыкновенное дело, как может, по своей большой совести, когда ежедневно рисковал жизнью, объезжая во время осады бастионы, чтоб показаться матросам, и они понимали, что действительно это их адмирал.

Он был в потертом сюртуке с адмиральскими эполетами, с большим белым георгиевским крестом на шее. Из-под черного шейного платка белели «лисея», как называли черноморские моряки воротнички сорочки, которые выставляли, несмотря на строгую форму николаевского времени, запрещающую показывать воротнички. Из-под фуражки, надетой слегка на затылок, выбивались пряди редких волос.

Нахимов увидал уличного черноглазого мальчишку в галерее и быстро повернул к нему.

Глаза адмирала стали приветливы, и в его голосе не было ни звука генеральского тона, когда он отрывисто спросил:

– Что тебе, мальчик?

– Письмо с Северной стороны! – ответил Маркушка, вспыхнувший оттого, что говорит с самим Нахимовым, и подал ему записку.

Тот прочитал и спросил:

– Зачем там был?

– На ялике... рулевым...

– Матросский сын? Как зовут?

– Маркушкой!

– Александр Иваныч! – обратился Нахимов к вышедшему из комнаты своему адъютанту, моряку. – Немедленно съездите-с к Корнилову... Показать-с записку. А в госпиталь сам съезжу-с... Лошадь.

– Самовар готов, Павел Степаныч!

– Отлично-с! А мальчику дайте, Александр Иваныч, рубль. Рулевой-с... Иди, Маркушка, на кухню... Скажи, чтоб тебе дали чаю...

– Очень благодарен... Но я должен на ялик, Павел Степанович...

– Вот-с, Александр Иваныч... И он... понимает-с!.. Молодец, Маркушка... Славный ты черноглазый мальчик...

Адмирал ласково потрепал по щеке Маркушку.

Адъютант дал Маркушке рубль.

И адмирал и адъютант вышли на улицу. Им подвели лошадей, и они уехали.

А Маркушка, обрадованный похвалой Нахимова и наградой, которую считал богатством, спрятал его в штаны и побежал со всех ног на пристань... Он встречал кучки раненых солдат. Увидал их и на пристани, только что выходявших из яликов.

Бугая не было.

Маркушка присел и слышал, как яличники говорили о том, что на Северной видано не видано сколько раненых солдат и что многие не хотят в госпиталь и просились на ялики.

Вернулся Бугай, и опять на его ялике солдаты...

Только что они вышли, как Маркушка вошел в шлюпку, сел на руль и восторженно сказал Бугаю:

– Ну, дяденька... И какой Нахимов простой... И какой добрый... И как наградил!..

– А ты думал как!.. Известно: Павел Степаныч... Передохну, и поедем... Раненые так и валят... И куда их, бедных, денут?.. Никакого распоряжения. Хоть на улице без помощи... На военные шлюпки, кои опасно раненные, отбирали доктора...

– Нахимов распорядился... Послал адъютанта... Только что приехал с бакционов... Самовар дома готов... А он опять на лошадь, да и в госпиталь... – сообщил Маркушка.

– Не по его ведомству... По доброму сердцу только хлопочет... И ничего не схлопочет... Госпиталь битком набит... И около раненые... Ничего для них не распорядился Менщик...

Вовсе о людях не подумал... А еще сказывали: умен... Одна в нем гордость... И себя обанкротил... И Севастополь как, мол, хочет, – тихо и угрюмо говорил Бугай...

– Придет, что ли, к нам француз?..

Бугай промолчал.

– И всех перебьют?.. И город изничтожит!.. Ведьма-боцманша вчера каркала.

– Не бойсь, Нахимов и Корнилов живыми не отдадут Севастополя!.. Уж приказ вышел всем матросам быть в готовности... И арестантам, слышно, будет освобождение... И кто из жителей способен – защищай город, коли Менщик такой человек оказался... Что ж, Маркушка... Ежели придется умирать – небось умрем! – прибавил с каким-то суровым спокойствием Бугай словно бы про себя.

Маркушка снова вспомнил, что мать умерла, и подумал, какой он дурной сын, что забыл ее.

И она, бледная, худая, трудно дышавшая, с большими ласковыми глазами, как живая представилась перед ним, и такое необыкновенно тоскливое чувство и такая жалость к себе охватили впечатлительного мальчика, что он притих, словно подшибленная птица, и слезы подступали к его горлу. И напрасно он жмурил глаза, стараясь остановить взрыв горя.

«Мамка... Мамка! Отдал бы мамке рубль!» – подумал Маркушка.

И он еще больше жалел мать и словно бы еще сильнее почувствовал ужас ее смерти и то, что никогда больше не увидит ее, не услышит ее голоса, и ласковая ее рука не пригладит его головы...

– О господи! – вырвалось из груди мальчика тихое восклицание тоски и словно бы упрека. Маркушка отвернулся к морю, и плечи его вздрагивали, и слезы невольно текли из его глаз...

Бугай услышал эти слезы и в первое мгновение подумал, что Маркушка испугался его слов о том, что придется умирать, ежели придет француз.

И старый яличник сказал:

– А ты не бойся, Маркушка... Тебя не убьют со стуцера. Пойми, братец ты мой, зачем мальчигов убивать? Никто ребят не убивает... Иродов таких нет... И ты не реви... Я тебя сохранию... Спрячешься у меня в хибарке, ежели что... Не показывайся на улицу... А как затихнет, выходи и гайда из Севастополя...

Маркушка повернул голову и, обливаясь слезами, решительно проговорил прерывистым, вздрагивающим и словно бы обиженным голосом:

– Я, дя-де-нька, не бо-юсь... Не уй-ду! Я с ва-ми!.. И вы мне ру-жье дай-те... Я француза за-стре-лю!.. А мамку жал-ко!..

И слезы еще сильнее полились из глаз Маркушки, оставляя грязные следы на его не особенно чистом лице.

– Ишь ты... вояка какой! А мальчикам ружья не полагается... Прежде войди в возраст... Тогда дадут. Ты у меня, Маркушка, молодец во всей форме... Не впадай в отчаянность насчет мамки, братец ты мой! И Павел Степаныч заметил, какой ты молодец. Может, мамке и лучше на том свете...

«Ишь ты бедняга-сирота!..» – подумал старый яличник.

И ласково прибавил:

– Не бойсь, бог твою мамку не обидит... Она была хорошая матроска.

– В рай назначит? – осведомился Маркушка, озабоченный, чтобы мать была там.

– Беспременно в рай! – убедительно и серьезно промолвил Бугай.

– А ведь там, дяденька, хорошо?

– Чего лучше!.. Однако отваливаем!

Через минуту шлюпка направилась на Северную сторону.

Старик и мальчик молчали. И оба были тоскливы.

II

После коротких южных сумерек быстро стемнело.

Бугай со своим рулевым сделал еще два рейса с ранеными. В десятом часу старик уж так устал, что нанял за себя гребца и велел перевозить раненую «крупу», а денег не просить.

– А мы с тобой, Маркушка, пойдем спать! – сказал Бугай.

Но вместо того чтобы подняться прямо в гору, в слободку, они пошли по Большой улице.

На улице часто встречались раненые солдаты. Проезжали верхами куда-то офицеры и казаки. Дома все были освещены; из открытых окон доносились тихие разговоры, и лица у дам были испуганные. Мужчин почти не было.

Бугай и Маркушка не повернули и у дома командира порта. Они увидали большое общество дам на балконе за чаем. Свечи освещали встревоженные лица.

– Не успели наутек! – прошептал Бугай.

– А что с ими будет? – спросил Маркушка.

– Спрячутся по подвалам...

– А самого губернатора?

– В плен возьмут – вот что!

Они подходили к Театральной площади, вблизи бульвара, в конце которого был четвертый бастион.

Среди темноты видны были костры на площади, и там стояли и сидели матросы. Ружья их стояли в козлах... Моряки-офицеры ходили взад и вперед...

– Дай только тревогу, что француз идет на Севастополь, небось мы его примем! – проговорил Бугай, стараясь подбодрить себя и разогнать мрачные мысли. – Вон и Павел Степаныч... Везде поспевают...

Нахимов только что приехал. Он приказал не строить войска, слез с лошади и, сопровождаемый несколькими старшими моряками, обходил матросов.

И среди этой горсти, готовой не пустить целую армию, не было паники. Нахимов так спокойно говорил и шутил, что, казалось, никто не думал о неминуемой смерти.

Бугай и Маркушка пошли наверх, в слободку, и скоро вошли в хибарку, как звал старый яличник свою маленькую комнату в одной из хат матросской слободки...

Бугай зажег свечку, устроил Маркушке на полу постель, дал ему одеяло и подушку и сказал:

– Давай спать, Маркушка!

Маркушка через минуту уже крепко спал.

А Бугай разделся, помолился перед образом, стоявшим в переднем углу его необыкновенно чистой и аккуратно прибранной комнатки, и лег на свою узенькую койку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.